

А.П. БУТЕНКО

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАБЕГАНИЕ КАК НОВАЦИЯ XX ВЕКА

БУТЕНКО Анатолий Павлович - доктор философских наук. Профессор МГУ.

История завершающегося XX столетия богата экономическими, политическими и социологическими новациями. Здесь две мировые войны и одна "холодная война", небывалый мировой экономический кризис 1929 года и обвалы финансовые кризисы конца века; тут и вызванная мировыми войнами и бедами граждан глубочайшая дискредитация в глазах миллионов отсталых порядков в ряде стран, толкнувшая массы к мощному рывку, превратившемуся в историческое забегание. Из этой же дискредитации выросли многочисленные бунты, восстания, перевороты и революции, как раз и вылившиеся в первую, пусть преждевременную, попытку угнетенных и эксплуатируемых создать свой строй - социализм и как неизбежное следствие этого неподготовленного эксперимента - появление тоталитарных режимов (как в его правой, так и левой разновидности), а также потрясшее весь мир в 80-90^е годы крушение результатов этой несвоевременной попытки, завершившейся не только развалом "мировой социалистической системы", но и распадом одной из двух супердержав XX столетия - Советского Союза.

Нельзя объять необъятное - охватить все новации века. В предлагаемой статье речь идет только о главной социологической новации века - об огромном историческом забегании стран и народов, об исторических процессах, обусловленных этим типом развития, а также об условиях и формах, обеспечивающих возвращение из исторического забегания на путь естественно-исторической эволюции.

Историческое забегание, его возможность и сущность

Неравномерность экономического и политического развития стран и народов - объективная закономерность. Разные народы, нации и этнические группы в каждый данный момент стоят на разных ступенях социально-экономической зрелости и развиваются не одинаково, обгоняя друг друга. Естественным следствием такой ситуации являются импульсы к преодолению возникающего неравенства. Сложились и соответствующие понятия: "нивелировка" и "выравнивание уровня зрелости", термины: "замедленное" и "ускоренное" развитие, а также "сокращенное", "догоняющее" и "опережающее" и "исторически забегающее" развитие.

Объясняя неодинаковость уровня общественно-экономического развития различных стран и народов, первоначально в описаниях было желание разделить народы и нации на "удачников" и "неудачников": первым присуще "ускоренное" развитие, вторые объявлялись способными лишь на "отстающее" развитие, обрекающее на прозябание в своей отсталости. Однако наука обнаружила, что разные темпы исторического развития могут быть связаны со спецификой этноса, энергией разных ступеней его зрелости. Понимание того, что, скажем, в странах Азии и Африки мир имеет дело не с историческими "неудачниками", а со специфической линией исторической эволюции, позволяет лучше понять социально-экономическую оригинальность исходных условий, в которых здесь начинается решение задач, составляющих вызов современности, как происходит утверждение адекватных новым условиям социальных форм. Конечно, нужно исследовать и исследовать, в какой стране и в какой мере проявилась эта особая линия исторического развития, в какой степени "виновата" специфика этой линии, и в какой мере другие причины.

Но если говорить только о разных типах и формах развития, очевидно следующее. Понятия "замедленного" и "ускоренного" развития чаще всего употребляются в связи с темпами развития, быстротой роста и прохождения необходимых ступеней развития. Понятие "сокращенного" развития чаще всего применяется для обозначения развития, пропускаю-

щего ("сокращающего") определенные ступени или фазы развития (развитие к капитализму, минуя рабство и феодализм, или некапиталистический путь развития). Равным образом понятия "догоняющее" и "опережающее" развитие употребляются для сравнения (сопоставления) темпов развития разных стран и народов по отношению к "догоняемой" стране, а "опережающий" вид развития говорит о том, что страна становится впереди бывших "догоняемых". В отличие от сказанного, "исторически забегающее развитие" - это развитие, сопоставляемое не с развитием других стран, а с самим ходом истории.

Известен сделанный в XIX в. вывод: история ставит перед человечеством только осуществимые задачи. Если упрощенно понимать эту формулу, историческое забегание практически невозможно: история не может выдвинуть перед обществом невыполнимую, исторически забегающую задачу. Но в том-то и дело, что проблема не так проста.

В ходе истории всегда налицо несколько формальных возможностей (вариантов) развития, причем каждая из которых - это определенная совокупность или сумма наличных условий или предпосылок - как объективных, так и субъективных - реализации именно этой возможности, этого, а не другого варианта. При наличии ряда формальных возможностей или вариантов развития ход истории, однако, увеличивает или уменьшает сумму наличных условий той или другой формальной возможности. Та формальная возможность, условия реализации которой умножились, из формальной превращается в реальную, а при наличии всех необходимых условий эта реальная возможность (вариант) превращается в действительность, реализуется.

Историю делают живые люди, которые в силу своих интересов выступают за реализацию именно данной возможности, живые люди практическими действиями создают или достраивают условия, необходимые для превращения желаемой возможности в действительность. В это же время другие люди, другие общественно-политические силы, заинтересованные в реализации другой возможности (варианта), прилагают усилия в другом направлении. Вопрос в том, какая возможность, какой вариант будет реализован, решается борьбой.

С учетом реальной противоречивости ход истории будет выглядеть так: в реальной жизни много формальных возможностей и связанных с ними реальных условий. Люди сами учитывают и взвешивают эти объективные и субъективные условия и определяют, каковы, по их мнению, реальные возможности общественного прогресса, и действуют соответственно. Поскольку часто желаемое не совпадает с возможным, вполне вероятны (а при некоторых обстоятельствах неизбежны) просчеты и ошибки, стимулируемые интересами и устремлениями людей, из-за чего желаемое чаще всего принимается за наиболее осуществимое.

Так, в России в начале XIX в. передовые представители дворянства и военной интеллигенции - декабристы считали, что в России и экономически и политически есть необходимые условия если не для освобождения крестьян от крепостной зависимости, то для свержения самодержавия и утверждения республиканской формы правления. Однако реальная ситуация была иной. Декабристы ошиблись, выдавая желаемое за общественно-возможное.

В XX столетии из-за ошибочных оценок коммунистов и инициированного ими исторического забега распространился, а затем во многих странах пал "реальный социализм". Используя ситуацию, либералы стали убеждать легковверных, что все происшедшее - свидетельство того, что социализм - это неосуществимая мечта, социальная утопия. И в эту либеральную ложь многие верят, ибо не понимают действительной сути случившегося. Чтобы отделить правду от лжи, сопоставим, с одной стороны, освободительное движение рабов или крепостных крестьян, а с другой - освободительную борьбу рабочего класса и его союзников.

В первом случае, когда речь идет о рабах или крепостных крестьянах, можно представить, скажем, победу Спартака над армией Красса, победу пугачевского войска, однако не было реальной возможности создания на гребне этой политической победы нового общественного строя этих общественных сил. Общественное устройство, реализующее интересы рабов, как и устройство крестьян - это утопия, несбыточная мечта; общественных устройств, реализующих коренные интересы рабов или крепостных крестьян, не бывает: обе эти общественно-политические силы не являются носителями более совершенного социально-экономического устройства: их подобные устремление, идеал, цель - утопия.

Во втором случае рабочий класс, трудящиеся вполне могут прийти к политической победе, утверждению политической власти трудящихся, к созданию отвечающего их интересам общественно-экономического строя - социализма (что еще нигде не произошло!). Чтобы эта возможность реализовалась, необходимо, во-первых, превращение формальной возможности, содержащейся в естественно-историческом процессе, в реальную возмож-

ность (утверждение политической власти трудящихся), а, во-вторых, необходимы условия, предпосылки превращения реальной возможности социализма в действительность.

Каковы эти предпосылки и условия?

Сегодня утверждают, будто основоположники научного социализма не определили необходимый и достаточный уровень экономического развития, позволяющий заниматься действительным созиданием социализма. Однако К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно настаивали на том, что при низком уровне производительных сил социальная революция бесперспективна: в обществе возобновится "старая мерзость" борьбы за индивидуальное существование с помощью силы и власти. Короче: социализм не сочетаем со "всеобщим распространением бедности", ибо "при крайней нужде должна была бы воскреснуть вся старая мерзость" [1] с ее коллизиями и антагонизмами, не совместимыми с социализмом.

Ф. Энгельс, предупреждая об опасностях забегания, впервые подробно пишет об этом в 1850 году в работе "Крестьянская война в Германии": "Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство... Он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он может сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он должен сделать, невыполнимо. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чужого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно" [2]. Ф. Энгельс исходит из принципа: вождь крайней революционной партии, лидер коммунистов должен отстаивать и реализовывать интересы только своего рабочего класса. Если же для реализации таких интересов нет необходимых материальных условий, надо избегать политической власти, ибо в противном случае возникает историческое забегание с его "неразрешимой дилеммой", приводящее к его политической дискредитации, потере власти и влияния.

Сегодня мы лучше, чем прежде, знаем, когда и почему наша страна оказалась на пути исторического забегания. Ведь еще тогда, когда в Советской России только начиналось продвижение к социализму, В. Ленин считал бесспорным тезис: "Россия еще не достигла такой высоты производительных сил, при которой возможен социализм" [3]. Мало того, сегодня мы знаем не только то, на что же рассчитывал В. Ленин, но также и то, о чем не ведали ни Ленин, ни его современники: в начале текущего столетия не только в Советской России, являвшейся среднеразвитой капиталистической страной, но и в самых развитых капиталистических странах, на поддержку социальных революций в которых и рассчитывала революционная Россия, социализм тогда еще был невозможен. Более того, из "Экономических рукописей" К. Маркса, написанных в 1857-1859 Годах, а опубликованных на русском языке впервые в середине нашего XX века, - а потому не известных ни В. Ленину, ни другим "строителям социализма" 20-х и 50-х годов - получалось, что мир и сегодня еще не достиг того уровня развития, когда социализм становится действительно возможным.

Ведь согласно мыслям К. Маркса, изложенным в "Экономических рукописях", это возможно там и тогда, где и когда уже не труд в его непосредственной форме, а наука как непосредственная производительная сила становится главным источником общественного богатства. Только при условии, писал К. Маркс, когда "все источники общественного богатства пользуются полным потоком" [4], жизнь освободится от бедности и скудности* и всех мерзостей старого мира, связанных с частной собственностью, эксплуатацией и гнетом, с борьбой за индивидуальное существование с помощью силы и власти, достигнет рубежа, когда "с самого непосредственного процесса материального производства совлекается форма скудности и антагонистичности" [5]. А если так, то все, что случилось в XX веке в связи со всемирно-исторической попыткой трудящихся создать свое общество социальной справедливости, было не чем иным, как огромным историческим забеганием - забеганием в будущее.

Сказанное позволяет понять не только то, почему, где и когда возможно историческое забегание, как на этом пути оказалась наша страна, но и то, в чем же заключается смысл или суть забегания. Очевидно, суть эта не в продвижении к утопии (скажем, к крестьянской общинной идиллии). Только при реализации возможного социализма и возможно исто-

* "Общество массового потребления" или "государство всеобщего благосостояния", высокоразвитых стран, выросшие из автоматизированной и кибернизированной экономики, показывают степень приближения человечества к этим рубежам.

рическое забегание как попытка реализации осуществимого идеала в обстановке, когда нет всех необходимых для этого условий.

Историческое забегание - это практические действия, направленные на реализацию одной из возможностей истории, которая при наличных предпосылках еще не осуществима, а потому не может быть претворена в жизнь. Можно утверждать, что историческое забегание означает реализацию элементов формальной возможности какого-либо общественного устройства, когда эти формальные возможности могут быть в лучшем случае доведены до реальной возможности, но не могут быть превращены в действительность. И еще: историческое забегание - это практика реализации одной из существующих возможностей, без учета степени ее реальной осуществимости. Главная черта исторического забегания - попытки искусственного насаждения черт страстно желаемого будущего, когда для его естественно-исторической реализации нет должных условий.

Теория и практика исторического забегания

Главный вопрос изучения исторического забегания связан с тем, почему историческое забегание - не маленький исторический эпизод, а реальная драма большой группы стран, реальная жизнь людей целого региона? Не менее важно уяснение опасностей, которые несет разным общественным сферам этот тип социального развития, понимание причин и сути такого развития, возможностей прервать эту в сущности искусственную, "ненормальную" эволюцию, вернуться в лоно естественно-исторического развития.

Марксизм, сформулировав проблему исторического забегания, отметив его истоки и негативные последствия, не объяснил в известной мере предопределенность провалов в реализации социализма, которые столь ярко проявились в конце текущего столетия.

Предопределенность забегания связана с несоответствием желаемого и возможного, толкающего массы экономически не высокоразвитых стран на путь исторического забегания как иллюзорного средства преодоления с помощью социализма экономической отсталости, нищеты и бедствий. Социализм при этом не получается, а соответствующая страна оказывается в социально-экономическом тупике и под угрозой утраты социалистического выбора ее народа. В сущности именно так развивались, в первую очередь. Советская Россия, Китай и Вьетнам.

В контексте отечественной истории встает вопрос: не является ли подобное понимание признанием правоты меньшевиков в споре с большевиками о возможности социализма в России. Конечно, в плехановской мысли: "Россия еще не смолола той муки, из которой можно было бы испечь пирог социализма", - было много справедливого и здравого. Но были ли меньшевики в принципе правы, а большевики - не правы, - это вопрос истории, нуждающийся в научном обсуждении.

Большевики не хуже меньшевиков знали предупреждения Маркса и Энгельса об опасностях в случае преждевременного прихода к власти и попыток осуществить социалистическую программу в стране, не созревшей для этого. Однако, в отличие от меньшевиков, призывавших рабочих "не вязываться в борьбу", "не лезть во власть". В. Ленин и большевики считали ошибкой пассивное ожидание социальной революции рабочего класса до тех пор, пока капитализм исчерпает свой потенциал, ибо социально-экономическое противоречие, вызывающее революционный взрыв, классовый характер возникающей политической власти, ее возможные действия и проводимые преобразования не являются жестко, однозначно, неразрывно связанными.

Как результат революционной энергии масс, новая власть представляет собой относительно самостоятельный фактор, ибо на фундаменте одного и того же социально-экономического противоречия в зависимости от степени недовольства, уровня организованности и активности масс возникающая власть может быть разной. В результате Февральской революции 1917 г., буржуазной по существу (но с широким участием масс), были возможны, по меньшей мере, диктатура буржуазии, демократическая диктатура пролетариата и крестьянства и, наконец, то, что состоялось на деле - двоевластие. Мало того, сама революционная власть при определенных условиях (скажем, если это демократическая Диктатура пролетариата и крестьянства в эпоху империализма) может начать действия, характеризующие задачи уже другой - социалистической - революции. Однако, опираясь на энергию создавших ее масс (их недовольство, порыв, энтузиазм), революционная власть остается только относительно самостоятельной: выход за исторически обусловленные рамки, забегание или отставание в действиях может привести к ее отрыву от масс, к перерождению, термидору.

В. Ленин в апреле 1917 г. не звал к немедленному перерастанию буржуазной революции в социалистическую, считая, как и Г. Плеханов, что Россия не готова для "введения социализма". Выступая за новый этап революционной борьбы, поскольку двоевластие обнаружилось неспособностью решить буржуазные социально-экономические задачи, он выступал за утверждение более радикальной власти. В. Ленин на протяжении февраля-октября 1917 года постоянно подчеркивает, что Россия - крестьянская страна, "одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм". Вопреки сталинским фальсификациям истории, В. Ленин отвергает перерастание буржуазной революции в социалистическую сразу. На такое обвинение Л. Каменева он отвечает: «Это неверно. Я не только не "рассчитываю" на "немедленное перерождение" нашей революции в социалистическую, а прямо предостерегаю против этого» [6].

В то же время он подчеркивает и другое: жизнь заставляет Россию, как и другие страны, использовать революционную власть для осуществления мер, представляющих собой не непосредственный переход к социализму, а подход к нему, опосредованные "шаги к социализму". Забегания здесь нет!

Победа Октября породила в массах веру в близость социализма. Выражая эти настроения масс, многопартийный II Всероссийский съезд Советов декларировал социалистический выбор дальнейшего развития страны. Существует несколько причин и по меньшей мере две главные причины, обусловившие этот забегающий волонтаризм. Во-первых, революционная эйфория и ожидания масс; во-вторых, вера в близость революции в экономически более развитых странах, вера в их помощь России. Насколько была сильна в тогдашнем обществе вера в близость и возможность социализма, свидетельствует то, что в Учредительном собрании, открывшемся в январе 1918 года, партиям "социалистической ориентации" (социал-революционерам и социал-демократам) принадлежало более 80% мест. Оценивая этот факт, председатель Собрания эсер В.М. Чернов говорил: "Страна высказалась: состав Учредительного собрания - живое свидетельство мощной тяги народов России к социализму" [7]. Однако одно дело желание социализма, другое дело - его осуществимость. Как решались эти проблемы?

В. Ленин и большевики накануне Октября готовили новый этап идущей буржуазной революции, призванный в первую очередь вырвать страну из войны, решить проблему земли и мира, осуществить назревшие шаги по демократизации общественной жизни. У большинства была программа достаточно скромных социально-экономических мер - нечто вроде НЭПа - программа, способная сделать шаги для подготовки будущего перехода к будущему социализму - программа подготовки необходимых для этого "предпосылок цивилизованности". Позже об этом писал Н. Бухарин: «По сути дела "Новая экономическая политика" была именно той политикой и той программой, с которой мы вступили в революцию. Она составляла "идейный лик революции"» [8]. Эта осторожная политика не убергла от забегающего голосования за социализм на Втором съезде Советов. Но она позволяла рассчитывать на постепенное продвижение по революционному пути.

Также оправдывающим ошибочное забегание был и расчет на победоносную революцию в Германии. "Теоретическая ошибка правящей партии, - признавался Л. Троцкий» в 1936 году, — останется, однако, совершенно необъяснимой, если оставить без внимания то, что все тогдашние расчеты строились на ожидании близкой победы революции на Западе. Считалось само собой разумеющимся, что победоносный немецкий пролетариат, в кредит под будущие продукты питания и сырье, будет снабжать советскую Россию не только машинами, готовыми фабричными изделиями, но и десятками тысяч квалифицированных рабочих, техников и организаторов" [9].

Однако заготовленная осторожная полунэповская политика была сорвана, утверждает Н. Бухарин, развитием гражданской войны и интервенции; вместо нее пришел военный коммунизм: метод военного нажима и отрицание правильной хозяйственной политики [10]. Этому вторит Л. Троцкий: "Военный коммунизм был по своему существу системой регламентации потребления в осажденной крепости"; "хозяйственные задачи советского строительства сводились в те годы к тому, чтобы поддержать промышленность и использовать оставшиеся от прошлого скудные запасы для войны и спасения от гибели городского населения" [11]. По сути "военный коммунизм" был политикой выживания.

Так, Советская Россия вместо взвешенной политики встала на путь коммунистических экспериментов. Одним из них стала попытка ликвидировать товарно-денежные отношения и рыночную экономику не в силу их исторической изжитости, как мыслили Маркс и Энгельс, а перед лицом фактического развала денежной системы тогдашней России.

Л. Троцкий писал: "Нужно, однако, признать, что по первоначальному замыслу он (военный коммунизм. - А.Б.) преследовал более широкие цели". Какие? Советское правительство надеялось и стремилось, опираясь на методы государственной регламентации политики "военного коммунизма", развить их в систему методов планового коммунистического хозяйства, его распределения и производства, переходя к этой системе шаг за шагом, постепенно [12].

Есть основания утверждать: передовая общественная сила, преждевременно овладевшая политической властью, чем дольше удерживает государственную власть, тем больше утрачивает реальные общественные опоры и перерождается в левацкую бюрократическую власть. Не переставая обещать гражданам создать самое справедливое социальное устройство, подобная власть чем дальше, тем больше сохраняется лишь благодаря государству и используемому им насилию ко все более широкому кругу общественных сил, противостоящих сужающемуся тандему государственного аппарата и партийно-политической элиты, создававшей власть. Не стесняясь в выборе средств и стремясь осуществить обещанное классу, но еще невозможное, власть имущие так пытаются решить "неразрешимую дилемму" (по Ф. Энгельсу), стремятся совершить должное (обещанное своему классу), но адекватными средствами неосуществимое.

Короче: историческое забегание в политической сфере характеризуется термидорианским, т.е. постепенным, поэтапным, "в рассрочку" переворотом особого содержания, имеющим левацкий, бюрократический характер, использующим прежнюю (коммунистическую) оболочку. Не имея возможности адекватными средствами совершить должное, осуществить обещанное, власть неизбежно хватается за чрезвычайные меры, использует, как правило, насильственные средства, чтобы, с одной стороны, задушить нарастающее недовольство масс, обещания которым не выполнены, а, с другой, чтобы в принудительном порядке осуществить перемены, которые создают хотя бы подобие обещанному. Такое всегда случается, когда объявленная цель реализуется неадекватными средствами: результат подобен объявленной цели, но не соответствует ей. Это и понятно, поскольку всякая крупная общественная цель (уничтожение эксплуатации, преодоление рыночной экономики) достижима при наличии необходимых условий и только адекватными средствами, выход за рамки которых ведет к утрате цели, ибо в результате получается нечто неожиданное.

Если детализировать процесс перерождения, то сначала происходит правительственная узурпация классового господства (первый отрыв власти от базы, опорного класса или классов): теперь правит узкий круг политической элиты. Затем реальная власть концентрируется в руководящих органах уже не государства, а правящей партии и в конце концов в руках ее "вождя". Обеспечивается новый, второй отрыв власти от исходной опоры: на смену способному возмущаться гражданскому электорату приходит партийный актив, внутри которого преследуется инакомыслие. Власть переходит к узкому кругу дисциплинированных единомышленников, к фракции. Складывается тандем партия-государство, в котором властвует партия, доминирующая в ней фракция, а государство лишь штампует принятые решения.

Оформление такого тандема означает, что политическое развитие соответствующей страны вступило в качественно новый этап. Непонимание существа нового этапа политического развития с его особенностями объясняет истоки допускаемых здесь ошибок: из-за сохранения у власти одной и той же - коммунистической партии - даже при радикальном изменении власти, курса и облика партии еще и сегодня многочисленны попытки оценивать и предыдущую и сменяющую ее власть в качестве одной и той же политической власти одного и того же класса, одной и той же общественно-политической силы.

Можно сделать вывод: после утверждения в качестве политической власти тандема партия-государство, в рамках которого политический курс определяется неподотчетным гражданам руководством, а избираемые органы государства лишь штампуют партийные решения, природа политической власти определяется уже не декларациями, не названием правящей партии, а содержанием политического курса, тем, чьи интересы при этом действительно реализуются.

Из исторического забегания на путь общего прогресса

Имеющийся позитивный опыт свидетельствует о том, что успех в прекращении исторического забегания предполагает, во-первых, понимание того, что собой представляет сам процесс его прекращения; во-вторых, учет условий, без которых прекращение забегания и

возвращение на дуть общего прогресса невозможны; в-третьих, соблюдение очередности и меры необходимых действий для возвращения на такой путь. Остановимся, на этих вопросах.

1. Прекращение исторического забега и успех возвращения на путь общего прогресса предполагает сознание "ненормальности" забегающего развития и понимание того, что эта ненормальность состоит в том, что применяемое (применявшееся) властью принуждение, с одной стороны, осуществляло преждевременное устранение (упразднение) не изжитого, т.е. того, что должно было сохраняться и функционировать, а, с другой стороны, "насаждало" то, что еще не могло существовать, не могло "прижиться". Потому прекращение исторического забега есть прежде всего отказ от насилия над историей, т.е. прекращение устранения исторически не изжитого и отказ от навязывания того, что еще не способно укрепиться. Чаще всего речь идет о неоправданных манипуляциях властей с собственностью, эксплуатацией и угнетением, товарно-денежными отношениями и рынком.

2. Поскольку историческое забегание есть насилие, неоправданное манипулирование власти коренными условиями общественной жизни, осуществляемое в интересах власти и стоящих за нею общественно-политических бюрократических сил, главным условием прекращения исторического забега является изменение соотношения сил в обществе, переход политической власти к силам, способным прекратить историческое забегание. Какие силы способны совершить такой поворот и как он может быть осуществлен - это зависит от расстановки сил, специфики политического режима в соответствующей стране. Но при всех случаях успех подобных перемен может быть обеспечен, как правило, тогда, когда инициаторы подобных перемен опираются на большинство граждан, адекватно выражают их интересы.

3. Наиболее сложным является определение последовательности мероприятий, способных прекратить историческое забегание, не разрушив функционирующие политический и экономический механизмы, что способно отбросить страну назад или на обочину истории. Не менее важен правильный выбор мероприятий, восстанавливающих еще не изжитое и устраняющих преждевременное. Меры возвращения к еще не изжитому (главное в прекращении исторического забега) должны применяться так, чтобы возвращение к ошибочно упраздненному не превратилось в возвращение к изжитому, т.е. не стало вульгарным регрессом. Подмена возвращения к ошибочно упраздненному историческим регрессом - наиболее часто встречающаяся и самая пагубная ошибка в прекращении исторического забега.

Поскольку исходным условием прекращения исторического забега является осознание того, что данная страна развивается ненормально, устраняет не изжитое и насаждает нежизнеспособное, то главным препятствием такому осознанию является трактовка исторического забега как утопии, а социализма в качестве несбыточной мечты. При таком подходе историческое забегание, отождествляемое со следованием утопии, обретает характер непреодолимого.

Жизнь свидетельствует, что историческое забегание, противоречащее интересам большинства, приносит выгоду партийно-государственной бюрократии, осуществляющей регламентированное распределение с выгодой для себя. Поэтому вторым условием прекращения исторического забега является отстранение от политической власти этой бюрократии, стремящейся увековечить свое политическое господство и свои материальные привилегии. Необходимо изменение соотношения политических сил, приход к власти тех, кто способен прекратить историческое забегание и вернуть страну на путь общего прогресса.

Опыт Советского Союза, Китая и Вьетнама, осуществивших прекращение исторического забега, подтверждает, что приход к власти сил, способных опереться на поддержку масс в осуществлении перемен, может привести к успеху на этом пути.

Пренебрегая реальными условиями и предупреждениями, Советский Союз, Китай и Вьетнам, каждый в свое время, вступили на путь строительства социализма. Результатом была узурпация классового господства. Политическая власть из рук народа перешла в руки левацких элементов - И. Сталина и его окружения в СССР, Мао Цзэдуна и его сторонников в Китае, Хо Шимина и его приверженцев во Вьетнаме. Объявив о "строительстве социализма", каждая из этих стран прошла путь перемен, результатом которых стало господство тандема партия - государство, когда политическая власть фактически оказалась в руках руководства партии, а в экономике утвердилась нерыночная командно-административная система.

В политической сфере во всех трех странах фактически произошел своеобразный политический сдвиг, который называют термидорианским переворотом, утвердившим ле-

ваккую власть бюрократии, номенклатуры, отобравшей власть у трудящихся; но по-своему гарантировавшем от буржуазной реставрации. В СССР, а позже в Китае и Вьетнаме, благодаря перегруппировке социальных сил внутри и вокруг правивших здесь коммунистических партий к руководству в них пришли выразители интересов партийно-государственной бюрократии, взявшие курс на реализацию своего социально-экономического идеала - казарменного псевдосоциализма, обеспечивающего полновластью номенклатуры, откупавшейся от трудящихся рядом социальных пожертвований и бюрократической гарантией от капиталистической реставрации.

Левацкий поворот во имя исторического забега осуществлялся под лозунгом борьбы против идущих "капиталистическим путем". Характерной чертой левацкого поворота к историческому забеганию являлась его постепенность, поэтапность. Поворот совершался при сохранении руководящей роли коммунистической партии, посредством ее перестройки, критики и устранения лидеров, не соглашавшихся с подобным поворотом. Вместе с тем каждая страна, вступающая на путь исторического забега, обещая решить задачи, не имевшие предпосылок для их решения, не достигала цели, оказывалась на бездорожье, а ее развитие шло вразрез с обещанным.

В результате все страны, шедшие по пути исторического забега, оказывались перед выбором: или отказаться от несостоявшегося социалистического развития и вернуться на предлагаемый либералами путь капитализации, или поставить у власти представителей народа, способных вывести страну из исторического забега и посредством социально ориентированной рыночной экономики и рыночного социализма восстановить ее на социалистическом пути. Однако выбор варианта выхода зависит от расстановки общественно-политических сил, от выбора народа.

В Советском Союзе к власти в 1991 г. пришли либералы, стремящиеся реставрировать капитализм. Результаты их усилий всем очевидны. В Китае и во Вьетнаме у руководства остались коммунистические партии, но нельзя не видеть того, что в рамках этой "коммунистической оболочки" власть перестраивалась, менялась: политическая* власть, осуществлявшая при Мао историческое забегание, и власть, устраняющая его последствия, ныне нацеленная на осуществление принципов рыночного социализма, при одинаковой "коммунистической оболочке" не одна и та же. Как же осуществился этот политический поворот? В том и заключается одна из политических новаций возвращения из исторического забега, что в условиях господства политического тандема партия-государство качественное изменение природы политической власти осуществляется не путем свержения прежнего правительства (власти) и утверждения нового. Теперь очевидно: бывает термидорианский по форме - постепенный, поэтапный, как бы в рассрочку переворот, являющийся по своему содержанию не контрреволюцией, а революцией: в результате перегруппировки внутри правящей коммунистической партии к руководству приходит революционная фракция, восстанавливающая социалистические цели. Именно это и случилось, в частности, в связи с приходом к руководству Китаем группы Дэн Сяопина. При таком повороте существенно меняется социальная опора политической власти. Теперь ее опора не бюрократия и партфункционеры, а рабочие, крестьяне, широкие круги народа. Изменяются защищаемые интересы и социально-классовая идеология, осуществляемые функции сопряжены с интересами трудящихся.

Таковы некоторые вопросы исторического забега как новации двадцатого столетия, а также прекращения подобного забега и возвращения на путь естественно-исторического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 33.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 7, с. 422-423.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 380.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-х томах, т. 3, с. 16.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 214.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 91. 142.
7. См. Социологические исследования, 1997, № 2, с. 46.
8. Бухарин Н. Цезаризм под маской революции. М., 1925, с. 22-23.
9. Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991, с. 22-23.
10. Бухарин Н. Указ. соч., с. 22-23.
11. Троцкий Л. Указ. соч., с. 21.
12. Там же.